

В добрый путь!

Сборник
стихов авторов
литературного портала
“Изба-Читальня”

Составители
Валерий Белов,
Леонид Кутырёв-Трапезников
Январь-март 2013

**Валерий Белов
Леонид Кутырёв-Трапезников
В добрый путь! Сборник стихов авторов
литературного портала Изба-Читальня**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5815534
В добрый путь!: Accent Graphics Communications; Montreal; 2013
ISBN 978-1-927752-15-9*

Аннотация

«Изба-Читальня» – на сегодня является одним из лучших русскоязычных литературных сайтов. Это уникальный портал по своим многочисленным сервисам и разнообразным ресурсам. Он филигранно сбалансирован в универсальной связке важнейших элементов сайта для творческих людей: с одной стороны – «текст, картинка, звук, видео», с другой – «автор, оригинальное произведение, читатель, комментарий-рецензия», что очень удобно для пользователей портала.

Содержание

Вступление	6
Александра Ястребкова (Яна Нега)	7
Рассвет Синая выскоблен и чист	7
Равновесие времени	8
Вспоминай обо мне, иногда...	9
Золочённая верба, янтарный сон	10
Кровь драконья...	11
Хочешь знать, из чего же я сделана?!	12
Мне ли...	13
Пока поспеваем яблоками...	14
На сердце...	15
Тридцать седьмой...	16
Мы – просто слова с ударением в слове любовь...	17
Я не буду тебя вспоминать...	18
Когда ты начнешь сочинять меня заново...	19
Вера Соколова	20
Я уйду от тебя	20
Разговор с осенью	21
Опять туман	22
Он стоял на мосту	23
Она стихами разжигала печь	24
Дожить до будущей сирени	25
Семь жёлтых хризантем	26
За окнами зима	27
Прости	28
Снега	29
Будь счастлива душа	30
Был	31
Владимир Гилеп (Voha)	32
Второе «Я»	32
Ничья и ничей	33
Опьяняло свежестью лето быстротечное	34
30 секунд	35
Мой родной СССР	37
Размах крыльев или Гляди высоко...	39
Про любовь	41
Иордан...	42
Зазеркалье...	43
О бессознании и подсознании	44
Дикая яблоня	46
Виктор Никифоров (Сиринкс)	47
Завируха	47
Сон во сне	48
Невесомость	49
Шёпот, принесенный весенним ветром	50
Мольба	51

Этюд «До-диез минор»	52
Метелица метёт	53
День ангела	54
Сонечко моё	55
Игра в пятнашки	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Сост. Валерий Белов, Леонид
Кутырёв-Трапезников
В добрый путь!
Сборник стихов
авторов литературного
портала Изба-Читальня**

Публикация произведена с соблюдением следующих условий:

1. Владелец сборника является литературный портал Изба-Читальня.
2. С авторами сборника заключен договор, включающий следующие пункты:
 - отсутствие в произведениях авторов заимствований, всю ответственность за наличие которых несёт непосредственно автор, их допустивший;
 - получено согласие автора на публикацию его произведений в сборнике без каких-либо дополнительных условий и требований вне условий Пользовательского соглашения с порталом Изба-Читальня;
 - представленные произведения авторов опубликованы на сайте Изба-Читальня.
3. Редакторский отбор авторов и их произведений произведён редакторами Избы-Читальни:

Валерий Белов,

Леонид Кутырёв-Трапезников (Лео Сильвио)

Вступление

«Изва-Читальня» – на сегодня является одним из лучших русскоязычных литературных сайтов. Это уникальный портал по своим многочисленным сервисам и разнообразным ресурсам. Он филигранно сбалансирован в универсальной связке важнейших элементов сайта для творческих людей: с одной стороны – «текст, картинка, звук, видео», с другой – «автор, оригинальное произведение, читатель, комментарий-рецензия», что очень удобно для пользователей портала.

На этом сайте созданы самые благоприятные условия для любого творческого человека, ищущего признания и общения в среде интересных и талантливых людей, говорящих на русском языке.

Здесь авторам предоставлена свобода публикаций в различных жанрах современного искусства: литература – от поэзии и прозы до критики и публицистики, живопись и фотография в любых видах и формах, авторские песни, музыкальные и голосовые сопровождения текстов, а также видеофильмы от видеоклипов и жанровых сцен до документалистики и мультипликации.

Фундаментальной основой «Избы-читальни» является патриотическое мировоззрение русских людей, которые считают себя патриотами русского языка и приветствуют всё, что приносит благо русскому народу и любому другому народу, который «понимает и принимает русский язык как родной».

Здесь создана доброжелательная атмосфера, которая мотивирует пользователей к активному участию в жизни сайта, а разнообразные конкурсы и проекты стимулируют авторов к созданию новых творческих произведений.

«Изва-Читальня» – гармонична по архитектонике замысла её создателей и имеет на сегодня самую прогрессивную динамику своего развития.

Все эти вышеперечисленные особенности «Избы-Читальни» – очевидная редкость и явное преимущество перед другими сайтами, что позволяет сделать следующие вывод:

«Изва-Читальня» – одна из самых ярких звезд на небосклоне русскоязычного литературного интернет-пространства!

Леонид Кутырёв-Трапезников (Лео Сильвио)

Александра Ястребкова (Яна Нега)

*«Все пройдет.. и это тоже...»
надпись на кольце Соломона*

Рассвет Синяя выскоблен и чист

Рассвет Синяя выскоблен и чист,
Просвечивая охрой фресок Джотто,
Ложится агнцем снов на белый лист
Собрав из слов и рифм ночную квоту.

Согрей меня и мягко прикоснись.
Тепло одушевлённое молчанья.
Когда паришь и вдруг бросают вниз,
Опять искусству жизни обучая,

Тепло важнее слов небытия,
Хоть ими наслаждается нирвана.
Согрей меня, не оставляй меня
Пока я верить в небо не устану.

Рассвет Синяя выцвел добела
Молитвой замерев на полуслове,
Лишь Магдалена маки собрала
Все в киновари капель Божьей крови.

Скрыв иконопись темперы в тенях,
Роняю Соломоново кольцо я
И вновь рисую кистью не тебя.
Ты за семью печатями – святое.

Равновесие времени

Равновесие времени... Мягкость касаний рассвета,
Полусвет-полутень акварельной вуали зари.
Сквозь нетканое кружево сна суть любви исповедуй,
Возлагая мечты – хрупкий дар – на её алтари.

Равновесие времени... Призрачность тающей фрески,
Полусумрак теней, растворяющий абрис луны.
Исповедуй любовь, словно в детстве, почти по-библейски,
От начала начал у причала святой тишины.

Равновесие времени... Древний исписанный свиток,
Где помянуты все, кто рождался и будет рождён.
На земле этой грешной и небом порою забытой
Исповедуй любовь в отражении Божьих имён...

Вспоминай обо мне, иногда...

Вспоминай обо мне, иногда, в одиночестве гулком,
Если светлая грусть верной женщиной тронет виски.
Знаю, я не случилась твоим неожиданным чудом.
Но, любила... Бог видел... Как пусто в плену у тоски.

Как бездонно, любимый... как солоно море людское,
Все рассветы, закаты... и дымкой в глазах миражи.
Вспоминай обо мне, иногда... мне прибудет покоя
В этом море холодном из фальши бескрайней и лжи.

Вспоминай обо мне, иногда, даже если не стою.
Знаю, гонишь мой образ, ведь он рану в сердце саднит.
Напиши что-то дерзкое, резкое, острое, злое.
Приготовь безразличия отполированный щит.

Защищаясь от памяти, выстрели ей прямо в душу.
Все равно мы с тобой постепенно друг другом умрём,
Словно рыбы морские, забытые Богом на суше.
Вспоминай обо мне, иногда... позабыв обо всём...

Золочённая верба, янтарный сон

Золочённая верба, янтарный сон.
А глаза у девчонки – небесный свет.
Алконосты и Сирины... Перезвон
Колокольцев хрустальных, невинный смех.

В райских кущах всё ландыши да ручьи,
Ткёт покров ангел божий из облаков.
Мы, Мария, ничьи еще, мы ничьи...
Ещё столько времен до великих слов.

Тише, тише, Мария... Расти, расти.
Скоро, скоро, Мария, благая весть.
И прости нас заблудших, дитя, прости.
Спит пречистая сладко, ей завтра шесть...

Кровь драконья...

Ей было хорошо в его неволе,
Уверенно... Куда бы ни взлетала,
Подхватывали сильные ладони
И гладили по крылышкам устало.
Она давно смирилась с этой долей,
Смеялась, в обществе порой блистала,
Но просыпалась ночью кровь драконья
И неба было несказанно мало...

И несказанно мало было счастья,
Оно сыпалось серебром на плечи.
И в сердце ничего не оставалось,
И даже биться не решалось сердце.
Тогда она ломала все преграды,
Рвала любви невидимые путы.
А он являлся, как всегда, некстати,
И делал вид, что ничего... как-будто,
Как-будто бы и не происходило,
Опять ей пьяно подставлял ладони,
Курил без меры, называя милой.
А ей казалось, что она вновь тонет.
А кровь вскипала и рвалась из горла.
Она забыла, сколько умирала,
Что это каждый раз ужасно больно...
И лишь к утру, разбитая, стихала...

А он просил прощенья виновато,
Бил кулаками в каменные стены
И обещал, что выпустит когда-то
Домой из человеческого плена...

Хочешь знать, из чего же я сделана?!

Хочешь знать, из чего же я сделана,
Просчитать все мои заморочки,
Обойти все границы с пределами,
И открыть потаенные точки!?

Что ж желание сильное, смелое.
Сталью взгляда прицелившись точно
Прямо в яблочко райское, спелое,
Жаждешь стать лишь одной моей ночью?!

Стать то нежным пажом, робким даже,
То суровым и властным бродягой,
Но ведь можешь ты стать и пропажей,
Погорельцем без замка и стяга.

Ты готов прочитать эпитафию
И сравнить меня с женщиной знаковой?!
Только знай... Нас разнит каллиграфия,
В остальном же мы все одинаковы.

Хочешь знать, из чего же я сделана?!
Сколько мягкости, сколько колкости?
Заведет любопытство умелого
В мои омуты, в мои пропасти.

Может статься, заблудишься надолго,
Затеряешься в травах нечаянно.
Хочешь знать, где я скрыта и спрятана?!
Ночи, думаешь, хватит?... Отчаянный...

2009

Мне ли...

Мне ли тебя искать,
Перебирать ключи.
Время оскалить вспять.
Только молчи, молчи.

Мне ли любить, и ждать,
И отмерять тоску,
Если разлук печать
Оттиском на строку.

Мне ли беречь и чтить,
Жечь у окна свечу,
Если сжигаешь нить,
Если курок к виску.

Мне ли душой к творцу
Вымолить жизнь суметь,
Если тебе к лицу
Смерть и обола медь.

Мне ли надежду пить,
Плакать в твое плечо,
Но возвращаю нить,
Кто же спасет еще...

Пока поспеваем яблоками...

Пока поспеваем яблоками на ветвях
В золотом саду Господа – в тишине,
Прошепчи мне листиком – на свой риск и мой страх
О земной, скупой человеческой стране.

Пока наливается в завязь душ – благодать,
И не рвётся спелостью святая связь,
Научи меня, Ангел, там... внизу... умирать.
Научи умирать за Него, смеясь...

На сердце...

На сердце становится пасмурно, словно в нём осенью
Хозяйка непрошенной грусти готовит ночлег.
И в прошлое путь золотою листвою запорошенный
Зовёт заблудиться в саду, потеряв оберег.

На сердце туманы и птицы летящие за море,
Седые дожди, осыпающие высь на лес.
Ты вспомнишь и примешь любовь благодатью... Не рано ли,
Не поздно ли?... Сроки лишь там – на весах у небес.

На сердце прощенье, прощанье и воспоминания.
Настояна нежность душою на новый виток.
Твой тихий уют, не имеющий даже названия,
Готовится к жизни в миру средь смирения строк.

Тридцать седьмой...

Не отпускай мою руку, не от...пус...кай...
Так никогда не просила, там знают счёт.
Только бы это мгновенье, скользнув за край,
Длилось бы вечность... лишь, вечность для нас ещё.

Желтый фонарь, согнувшись, замёрз, как я.
Где же твой ангел, родной мой, в каком краю?
Здесь только вдовы багрового октября.
Очередь в ад... Я безумно тебя люблю!

Белый клочок манжеты, размывы строк.
Мякишем хлебным залепишь письмо с небес.
Жутким этапом дорог на расстрельный срок
Тридцать седьмой выдает арестантский крест.

Не отпускай мою руку в холодном сне.
Знаешь, когда предо мною твои глаза,
Болью сжимаюсь и прячусь в застывшей тьме.
Свет мой, ты смотришь, как старцы на образах.

В счастье плеснул лужей чёрною воронок.
Страшные судьбы да время кровавых жертв.
Тридцать седьмой палачом разрубил порог.
Я, ведь, поверила в Бога, а Бог так черств...

Мы – просто слова с ударением в слове любовь...

Как она придавила – сердечная блажь, пустота,
Что осенним дождем серой строчкой вливается в вены.
А мы всё не о том, на срединном пролете моста
Рассуждаем о чувствах и, вроде, не ждем перемены.

Ведь, мы – просто слова с ударением в слове тоска
И осеннею грустью, как гриппом, повально болеем.
Вот стоим посреди уходящего в лету моста,
Провожая еще один год по осенней аллее.

И безумно стареем под эту шершавую песнь,
Рассыпаясь по улицам ржавой и тусклой листвою.
А вопрос – «быть – не быть?» замещаем сомненьем – «Я есмь?!»
И не верим, что можем на йоту стать лучше душою.

А приставленный ангел, седеющий, хмурится вновь:
Непростая работа – выуживать смысл из болота.
Ведь мы – просто слова с ударением в слове любовь,
Оттоскуем осенним жнивьем, и нас вылечит что-то...

Я не буду тебя вспоминать...

Я не буду тебя вспоминать ни сегодня, ни после...
Просто выдохну осень вдвоем – и спокойно засну,
И не стану томить светлой негой, кружащейся возле.
Чернь изнанки твоей не затронет мою белизну...

Да... Я – первая зимняя, чистая, нежная вьюга.
Знаешь, если обидели ангела – падает снег.
Он ведь верил, что я обрела настоящего друга.
Но лишь враг совершает на душу разбойный набег.

Нет, не бойся... Мой ангел не скажет ни слова вдогонку.
Он шершавость следов уходящих крылом заметет.
С чувством жалости солью прощенья из божьей солонки
Совесть грешника мягко посыплет и, может, спасет...

2009

Когда ты начнешь сочинять меня заново...

Когда ты начнешь сочинять меня заново,
Из света и тени, молчанья и музыки,
Сплети свою память из всполохов пламени,
Из шепота ветра и осени блюзовой...

Обвей трепет сердца звенящими струнами
Тишайших молитв, серебра полнолуния,
Карминной зари, амарантовых сумерек,
Создай чуть мудрее меня и безумнее...
Такой, словно я до тебя и не создана.
Но, как ни старайся надежду обманывать,
Та, что из ребра, победит ту – из воздуха,
Когда ты начнешь сочинять меня заново...

Вера Соколова

Я уйду от тебя

Я уйду от тебя
проходными дворами,
и вся прошлая жизнь
окуётся в туман,
я и так опоздала —
давно уж пора мне
разорвать этот
длившийся годы
дурман...

Я уйду от тебя,
избежав объяснений,
ранним утром воскресным,
пока ещё спишь.
Только липкая горечь
непрощенной тенью
поскребётся на сердце
тихонько, как мышь...

Только будут на древках
приспущены флаги,
и «Прощанье славянки»
сыграет оркестр...
(Как легко о прощанье
писать на бумаге,
и как тяжело нести
свой пожизненный крест.).

Я уйду от тебя...
Впрочем, это неважно:
это грех не последний
из тяжких грехов,
и на память останется
пепел бумажный,
от сгоревших,
тебе посвящённых,
стихов...

Я уйду от тебя...

Разговор с осенью

Темноглазая с поволокою
Осень поздняя, пощади
бестолковую, одинокую —
заклинаю твои дожди...

Солнцу изредка дай пробиться ты,
ветру южному пособи.
Ах, как хочется вольной птицею
закричать тебе: «Возлюби!»...

Осень поздняя, как безжалостно
ты срываешь последний лист,
но меня не оставь, пожалуйста,
обещай спасти, поклянись...

Я рабой твоей неприкаянной
родилась в конце ноября,
рыжину сменив на окалину,
облачаешь в новый наряд...

Осень поздняя темноглазая,
ты ещё хоть чуть-чуть продлись,
но дождём отвечаешь сразу же,
не давая закончить мысль...

Темноглазая с поволокою
Осень поздняя, пощади
бестолковую, одинокую —
заклинаю твои дожди...

Опять туман

Опять туман... Душа дрожит...
И сколько втуне ни божись —
в скрещенье истины и лжи
лежит порок...

Зимы предвестник и посол
седой ноябрь, прощаясь, зол,
и листьев сброшенных камзол
от слёз промок...

И обездвижены пока
в осенних лужах облака,
и ни дождя, ни ветерка —
стоит туман...

И в том количестве минут,
что нам отпущены, живут
и вор, и праведник, и плут,
и шарлатан...

Приглушена туманом боль,
и смутных мыслей вьётся рой:
играем мы чужую роль
из года в год...

Не будет встречи при свечах
под экзерсисы скрипача,
а эта боль — она ничья,
она пройдёт...

Он стоял на мосту

Он стоял на мосту Расставаний – спиною к закату,
блик изломанной тени плескался на жёлтой волне,
рассыпались блестящей струёй позапрошлые даты,
и тонули прозрачными каплями там, в глубине...

Он стоял на мосту Обещаний бессмысленно долго
и ловил в потемневшей волне отражение звёзд,
в трепетанье воды он слышал шуршание шёлка
ниспадавших одежд из далёких полуночных грёз...

Он стоял на мосту... он стоял, забывая про время,
помня только её, их недолгий любовный роман...
Он стоял на мосту, позабытый, казалось бы, всеми...
Он стоял на мосту Одиночеств и слушал туман...

Она стихами разжигала печь

Она стихами разжигала печь,
они горели, буквами чернея,
она молилась перед тем, как лечь,
но сон не шёл...
Снежок шёл на аллее,
и вспоминалась старая любовь,
закончилась что первым поцелуем
на этой же аллее под покров
из темноты и злого ветродуя.
Безжалостно судьба их развела,
и не дала, увы, второго шанса:
позёмка след умело замела
под свист и пенье вьюжного романса.
Она стихами печку разожгла,
не сетуя на жизнь и на погоду:
не много было от стихов тепла —
горели споро, а писались годы...

Дожить до будущей сирени

Пора любви, пора цветенья,
нет – не окончились, отнюдь:
дожить до будущей сирени
и аромат её вдохнуть...
Сирени жизнь недолговечна:
недели две и отцветёт —
лиловым, бело-подвенчным
засыплет город и уйдёт
до следующих оргий мая,
когда душою не в себе,
сирени аромат вдыхая
мы верим сердцу и судьбе...

Рисует жемчуг на окошке
очередной морозный день,
пригрелась у камина кошка,
а мне пригрезилась сирень...

Семь жёлтых хризантем

Семь жёлтых хризантем в высокой вазе,
мой день рожденья – семьдесят восьмой,
улыбка на лице, и в каждой фразе
шутливый тон – последний козырь мой.

Загадочная ночь, твои мотивы
мне не постичь – перед тобой в долгу:
ты так темна и так сластолюбива,
тебе открою, что ещё смогу...

Смогу зажечь свечу, пролив на бархат
вишнёвых штор тягучий жёлтый воск,
смогу прочесть «Моралии» Плутарха,
не повредив премудростями мозг.

Смогу я о любви высоким слогом
сложить сонет четырнадцати строк,
смогу забыть знакомую дорогу,
метельным утром выйдя за порог.

Смогу смеяться этому сквозь слёзы,
от всей души – до коликов в боку,
ведь я отнюдь не женщина-мимоза,
и mille pardon, и je vous aime beaucoup... [По-французски: Миль
пардон – тысяча извинений; Жё ву зем боку – я вас очень люблю.]

Семь жёлтых хризантем – их запах горький
навеет грусть пред будущей зимой.
С улыбкой озорной качусь под горку
в свой день рожденья – семьдесят восьмой...

За окнами зима

Почтовый ящик пуст,
скулит зима под дверью
и выстудить спешит
и душу, и жильё.
Моих коснулось чувств
холодное безверье:
меняю за гроши
жемчужное шитьё
мороза на стекле
и инея на крыше
на краткое письмо,
изодранный конверт,
на оттиск на золе,
в котором имя дышит...
Но ты никак не смог
решиться на ответ.
А игры жарких губ
и страстные объятья,
ожог небритых щёк
в не позабытых снах?
Великолепно груб
ты был, срывая платье...
Всё в прошлом, и ещё —
за окнами зима...

Прости

Мне не хватает духа сказать, что разлюбила,
что строки в эту полночь пишу я не тебе,
что говорю другому: «Иди ко мне, мой милый!»...
Прости, что я так подло нарушила обет.

Я вспоминаю наше последнее свиданье:
не ёкнуло сердечко, не загорелся взгляд,
уверенность осталась, что, как на поле брани,
в одну воронку дважды не падает снаряд.

Любила-разлюбила – сердечные секреты:
тебя я отлучаю, другого приручу...
Любви недолговечной знакомые приметы
стекают жёлтым светом по лунному лучу.

И радуется утро тому, что наступило,
что ночь – лихая сводня – ушла в небытие...
Мне не хватает духа сказать, что разлюбила,
что строки в эту полночь писались не тебе...

Снега

Вновь падает на город первый снег,
Снежинками кружа под фонарями.
Незримо Время замедляет бег,
И первым снегом тает под ногами.

Ты далеко... Снега, снега, снега
Тебя завесой от меня скрывают...
А за окном чужие берега,
Чужая речь и жизнь совсем чужая.

В мой дом ворвался вихрем голос твой
Мелодией заигранного диска,
Вновь высекая сквозь тоску и боль
Волшебную божественную искру.

И падает на город первый снег:
Растает скоро, оставляя лужи...
Я в неизвестность совершу побег,
Где никому меня не обнаружить.

Как в раковину прячется моллюск,
Так спрячу я свою больную душу
И, истинных не открывая чувств,
Я твоего покоя не нарушу.

Метёт, метёт за окнами пурга,
Твой след на сердце тихо замечая...
Ты далеко... Снега, снега, снега...
И я – увы, тебе совсем чужая...

Будь счастлива душа

Будь счастлива, Душа!
Знобит на перекрёстке
любви и лет, предсказанном судьбой...
Поминки куража,
засыпанных извёсткой
висков, и песен странных – вразнобой...

И вьюга сеет жуть:
а вдруг она – надолго?
Дрожит в руке заветный карандаш...
Удастся обмануть?
Да что в обмане толку?
И зимний день берёт на абордаж...

Надежды на весну?
Но дни-то всё короче...
И снежное прядётся полотно...
И, отходя ко сну,
я помню, между прочим,
что сроки все закончились давно...

Будь счастлива, Душа!

Был

«Он больше не придёт...», – подумала она
и обернулась к зеркалу проверить,
насколько у неё печален взгляд...
В туманном зеркале увиделась Весна,
и сквозняком распахнутые двери
широким жестом приглашали в сад...

«Он больше не придёт...», – и вышла на крыльцо...
За плечи обнял ветер дерзко-пряный,
весенний луч скользнул по волосам...
И пенье с юга возвратившихся скворцов,
что так легко залечивает раны,
на них волшебный пролило бальзам...

«Он больше не придёт... нет, думать не хочу...
в моих глазах слезы он не увидит —
свои объятья сад мне растворил...
А он останется одною из причуд,
исход которой был так очевиден...»

И с грустью повторила слово – «был»...

Владимир Гилеп (Voha)

Второе «Я»

Если стелется жизнь «карамельно», протекая в режиме «покой».
Я тоскую, и тянет бесцельно прогуляться любимой рекой.
Иногда мне охота, хоть тресни, распатронить свой внутренний мир.
Петь и слушать хорошие песни в глубине «нехороших квартир».
И тогда, словно зверь на приманку, от одной разливухи к другой
Ухожу по граниту Фонтанки, не вполне понимая – на кой?
Принимай! Городские задворки – резервация серых котов.
Возле мусорных баков помойки по традиции нету ментов.
Пацаны, отпустите рубаху! Прикурить – прикури, но хамить...
В нашем округе быют без замаха, я ведь тоже люблю пошутить.
Вот он я! На себя непохожий... от души получив и раздав,
Улыбаюсь разбитою рожей, понимая, что где-то не прав.
Представляя реакцию смутно, одолею закрытую дверь.
И скажу тебе: «Доброе утро! Я не шлялся по бабам, поверь».
Повинюсь и открою причину обаятельной даме червей:
Мой пра-пра – первобытный мужчина был бродягой по сути своей.

4.09.2008 г.

Ничья и ничей

По дорожке страстей шли ничья и ничей
И, сойдясь у ручья под рябинками,
Присушила к себе пара серых очей
Голубые, как небо, с искринками.

Им бы, блеклым, о большем и думать не сметь,
Да в пути повстречались бездонные.
Отвели голубые и стали смотреть
В светло-серые темно-зеленые.

Та гроза оросила слезою глаза.
Счастье таяло льдинкою белою.
Лишь смотрели с надеждою, как в образа,
Голубые в суровые серые.

Пронеслось с той поры много дней и ночей.
Пораспалась дорожка тропинками.
Ох, не сладко пришлось взору серых очей
Без того, голубого с искринками.

Опьяняло свежестью лето быстротечное

Опьяняло свежестью лето быстротечное,
Закружило голову запахами трав.
И от этой нежности, сделавшись беспечною,
Забродила ягодка, ягодой став.
Затянуло заводи желтыми кувшинками,
Ряскою, да тиною – зелена вода.
Яркою картинкою, ягодой рубиновой
На кусту малиновом вызрела беда.
Не доразделенною чьей-то половинкою,
Но и другу милому – милою не став,
На устах постылого запеклась кровинкою.
Побыла и сгинула, всю себя отдав.
В небе закурлыкают клинья журавлиные.
Тянет в даль нелегкая – им ли привыкать.
Жизнь располовинена, как судьба Маринина.
Низко дали синие, да не докричать.

30 секунд

Вере, Надежде и Любви...

За какие-то 30 секунд приключилось.
Что-то важное вдруг поломалось во мне,
И привычная жизнь не спеша, покатилась
Из обычного русла куда-то во вне.

А потом я твой голос прерывистый слышал.
Кто-то взял разрывающий ночь телефон.
И бесцветный ответ: – Мы работаем. Дышит.
Результаты работ Вам объявят потом.

Не сложилось, как надо, собраться в дорогу.
Мой единственный груз – невесомая грусть.
Знать, в чем мать родила, появлюсь перед Богом
В тех чертогах, откуда навряд ли вернусь.

Зябко мне в белокаменных этих палатах.
Толи явь, толи сон и откуда мне знать,
Что здесь делают ангелы в синих халатах,
Неужели меня прилетели спасти?

Стыло как-то, но я не от этого трушу.
Все диагнозы – просто обычный прогноз.
Дорогие лекарства не вылечат душу,
Не смотря на число потребляемых доз.

Мне одеждой от холода станет надежда.
Пусть слетается, чувствуя пир, вороньё.
Я на 30 секунд задержусь где-то между,
Понимая, что дальше уже не моё.

Но секунд этих нескольких будет довольно,
Чтобы полусознанием увидеть тебя.
И сердечная мышца, согретая болью
Бескорыстной любви, отзовется любя.

В резервациях питерских реанимаций
Ты меня отыскала, минуя запрет.
И в пленительном мареве галлюцинаций
Я расслышал твоё однозначное – Нет!

Пусть друзья и врачи удивляются после.
Я бы мог им сказать, да боюсь, не поймут,
Что все эти часы ты была где-то возле,

Продлевая те самые 30 секунд.

– Ты живучий мужик, а скорее – везучий! —
Просветил пожилой балагур-Айболит.
– Толи мы разминули тебя с неминучей,
Толи это удача тобой дорожит.

А ведь прав эскулап, повидавший немало.
Кто бы против, а я – положительно за!
Ну, конечно, она надо мною витала.
У удачи моей – голубые глаза.

1.09.2007 г.

Мой родной СССР

Туман над городом укрыл действительность,
Окутал холодом, убавил видимость,
По «Маяковского» гуляет дождичком.
Асфальт полосками, как будто ножичком.
Идем по улице веселой шоблою.
Прохожий щурится на пиво с воблою.
Палитра серая, погода Невская,
Но шаг уверенный, улыбка – дерзкая.
Здесь в нашем скверике, напротив булочной,
Почти Америка, конторы уличной.
Сегодня пить не грех портвейн «Иверия».
Стакан один на всех. Гуляй империя!
Бухло под лавочкой и смех раскатами.
Года, для справочки, – восьмидесятые.
Шумит авральное мероприятие.
Все по нормальному. В ходу понятия.
Гудим культурно мы, порядки строгие.
Окурки в урну и – своих не трогаем.
И даже бабушки не возмущаются,
Ну, вот, и ладушки – братва общается.
Стакан одним глотком – закуска хлебушком.
Тебе, Санек, облом – конфеты девушкам!
Хоть время, в общем-то, не подходящее,
Гуляет общество по-настоящему!
Толкнул «джинсу» Витек, гребет со «стохами»,
А кто погнал в ларек? Андрюха с Вохою.
Толпа с бидонами, за пивом – очередь.
Ищи знакомого – живем не в Сочи, ведь.
Здесь схема штатная – своих уважили.
Народ понятливый – врагов не нажили.
Стоят за столиком, ругаясь матерно,
Два алкоголика – два члена Партии.
Один за Брежнева, другой за Берия.
Расклады прежние – ЭСЭСЭСЭР и я!
Гульба по поводу, вполне банальному:
Сегодня проводы – на завтра в Армию.
Поет про Иволгу гитара чувственно.
Вот, только девочки сегодня грустные.
Подать ликер для дам – задача минимум,
Неинтересно нам бухать без стимула.
От Вас любой каприз – нам это семечки.
Прошу на танец, мисс! Гуляем, девочки!
Гудят домашние, папаня хмурится.
Сносило башню нам – двоилась улица.
А чтоб прямым ходить – нельзя сутулиться.

Неважно сколько жить – главней, не скурвиться!
Одним газета «Труд» – дорога вольная.
Бродяг по жизни ждут дома казенные.
Да, неизвестно как, оно аукнется –
Кого затащит в круг судьба-заступница.
Валера с Жориком – ребята грозные.
Дела начнут мутить вполне серьезные.
Витюня высосав мандат от партии,
Завяжет с джинсами к едрени матери.
Сереге с Гариком еще неведомо...
Совсем не все придут домой с победой.
Свой долг исполнили, как полагается.
Мы вас запомнили – вам не в чем каяться.
А пальцы струны рвут – Серега лыбится.
Не суждено нам, брат, с тобой увидеться.
Ну, а куда мы еще единые,
Еще жива страна непобедимая.
Пока шумит в ночи шальная братия,
Народ спокойно спит... и демократ... и-я...

12.03.2007 г.

Размах крыльев или Гляди высоко...

Стаи птиц зимуют за границей, а моё окно, который год
Навещает шустрая синица, погостит, а в руки не идет.
Как приручишь вольную породу? Что ей крохи с моего стола.
На роду написана свобода и, как символ – два ее крыла.

Пусть пичуга маленького роста, только так же, как и журавля,
Удержать в руках ее не просто, даже прикормив, забавы для.
Несвобода ей без небосвода, но прочна связующая нить,
Повязав природою породу, уз которой не перерубить.

Щедро дав от самого начала, та же нить втащила в лабиринт.
Держит птаху в рамках ареала на себя помноженный инстинкт.
Но поправ условные границы, выходя за рамочный простор,
Каждый год, отнюдь, не единицы нарушают рабский договор.

Отличая от других животных, управляло испокон и впредь,
Собирая в стаи перелетных, дерзкое желание лететь.
Это дети вольного простора. Им дано: особенным чутьём
Слыша зов невидимого створа, улетать заведомым путем.

Даже, если поле для полёта небо сдавит до размаха крыл,
Птицы не посетуют, что кто-то к перелетам их приговорил.
Станет грозно щериться стихия, учинив борьбу «без дураков»,
Остужая головы лихие перистою пеной облаков.

Косяком продавливая толщу, раздвигая ощупью туман,
Стаи плещут многокрылой мощью, черпая бездонный океан.
Безупречен внутренний диспетчер. Вольным – воля, смелому
везёт.
Пусть ветра выкручивают плечи, жребий брошен, чья-то да
возьмёт.

Карту неба взмахами листая, всем путям проторенным назло,
Держит строй измученная стая, подставляя слабому крыло.
На руке озябшая синичка. ... Мы друг другу все-таки нужны.
Отогрею птичку-невеличку под рубахой с левой стороны.

Ожила и упорхнула в вечер. Запретишь ли вольному летать?
До того, как выломает плечи время, не умеющее ждать.
Жаждающие зрелища и хлеба, на момент обыденность поправ,
Приглядитесь – дети смотрят в небо, беззаботно головы задрав.

Им, во снах летающим, приснится стая непокорных журавлей.
Вряд ли б люди выбрали границы, если б те не выбрали людей.

Что-то в глубине себя лелею,
Хочется чего-то захотеть.
Значит, чем-то все-таки болею.
Как же это здорово «болеть».

06.08.2007 г.

Про любовь

Идут часы, проносятся минуты.
Мотает нервы жизненный экстрим.
Но, вот, однажды наступает утро,
Когда ты любишь, и в ответ любим.
И то, что был заел – уже не важно.
Вернее важно, но уже не так.
Да ты и сам давно не эпатажный,
Вполне преуспевающий дурак.
Куда бежал, бездумно силы тратя?
Где были Вы, и где шатался я?
Как получилось, что еще на старте
В себя впрягла чужая колея?
Рванул по ней, да скоро надорвался,
Все от того, что торопился жить.
Катился вниз и снова поднимался,
А надо было просто не спешить.
Стоять под проливным и целоваться,
Боясь спугнуть действительности сон.
Услышав вдруг подушечками пальцев,
Как Ваше сердце бьется в унисон.
Смотреть в глаза и обходиться мыслью,
Рожденной в замороченности фраз,
Все остальное не имеет смысла,
Хотя бы здесь, сегодня и сейчас...

Иордан...

За минуту – другую собрав чемодан,
Отключу телефон на дорожку присев,
И по небу к истокам реки Иордан,
Разобраться в себе вдалеке ото всех...

Автоматчики с этой и с той стороны,
Между ними каких-то 12 гребков,
Но, как будто бы призрак Берлинской стены,
От воды Иордана и до облаков...
Зря грозишь мне стволом, погранец молодой...
Не боюсь я тебя, окунусь и вернусь,
Но сперва между этой и той стороной,
Перед ликом святым о своей помолюсь...
Ветхий, Новый Завет и Талмуд, и Коран —
Все впитали границы твоих берегов.
Я хочу попросить у тебя, Иордан,
Не дели прихожан на своих и врагов...

Зазеркалье...

Воздушный замок в стиле рококо,
Обитель муз, пристанище поэта,
Коктейли чувств, куда как высоко
И все одно...Карету мне...Карету!
Там жизнь, на свой, особенный манер,
В таких местах динамика статична
Но, даже если, с места да в карьер,
Все толерантно и демократично.
А этот, сплав условностей поправ,
Пёр на рожон в открытую, без тыла.
Что-был неправ? Наверное, неправ,
Но в нем жил пыл и в этом что-то было...
Свечою слова звёзды зажигал,
Законы жанра, как оно, без свеч-то,
Он током бил и перенапрягал,
Но в этом беспорядке было нечто,
Враз осадив Пегаса на скаку,
Безжалостно высмеивал бездарность,
Варящуюся в собственном соку,
С претензией, пардон, на элитарность.
Живописал, но не приукрашал,
Пускал в распыл тупые навороты,
Блистал умом... но как он дурковал!
И в этой клоунаде было что-то.
Он едко придирался к мелочам,
Кому-то обещал заехать в рожу,
Ату его! Пусть платит по счетам,
Построже с этой публикой, построже!
Скорей всего, себе же на беду,
Он был собой, но был, а не казался,
Гвоздят, обычно тех, кто на виду,
Как правило, за тех, кто не попался.

О бессознании и подсознании

Всё ли в масть в заоблачных чертогах,
Есть ли кто из нашего двора?
Здесь ли, там, мы – прежние, Серёга,
Ну, бывай, до связи, мне пора...

Что-то песен весёлых не хочется петь,
Не берёт за живое фальшивый аккорд,
Горизонты понятного стали темнеть,
Осознание вывихнув наоборот.
И не то, чтобы жизнь заломила вираж,
Или тупо закончились булки с икрой,
Просто вдруг запропал упоительный раж,
Задувающий в струны мажорный настрой.
Рванный ритм бытия в положении «ноль»,
Пульс, подобно вороне, боится кустов,
Пустота...но она не моя – эта роль,
Я к таким режиссёрским ходам не готов.
Робкий нерв беспокойства в подкожной броне
Загоняет в тупик, оставаясь в тени.
Пробивая на крепость, прижатый к стене
Обнажённый характер, лишённый брони.
Уязвимо-ранимый в своей наготе,
Вне конфликта в тугую пружину зажат,
Нынче он не на той роковой высоте,
От которой у труса колени дрожат.
Там, где всё продаётся и всё на показ,
Полноводные реки мелеют...увы...
Беспредел и безвременье, вычислив нас,
Если в чём-то непрАвы, то в целом правЫ.
Золотое сечение эры барыг,
Усадивших на привязь своих егерей.
Все они, «се ля ви», не корсары из книг,
Потрошащие трюмы чужих кораблей.
Свой кусок пирога добывая в бою,
Тех от этих всегда отличало одно —
Флибустьерский трофей оставался в строю,
Корабли мародёров ложатся на дно.
Их останки, забитые в зыбкую твердь,
Разъедает придонным планктоном и мхом.
Те, кто рвал им борта, обрекая на смерть,
Разве что вольнодумство сочли бы грехом.
Но не те, так другие, сорвавшись с цепи,
С той, которой остов пригвождён к якорям,
«Тет-а-тет» со стихией– топи, не топи,
В одиночку пойдут по житейским морям.

Не для них это в затхлом болоте подстав —
Стать разменной фигурой в чьей-то руке,
Им бы свой, не чужой монолог проиграв,
Оборваться, как рвётся струна на колке.
В этом чокнутом мире и раньше и впредь,
Только шаг от большого, до гнусных интриг.
Разночтения взглядов легко лицезреть
На полях пожелтевших от времени книг,
В коих правда и ложь, да ещё миражи —
С детских лет зафрахтованный свой «закордон»,
Где в тавернах звенят боевые ножи,
Загоняя под лавки пугливых ворон.
Где едва ли боятся открытых пространств,
Где стрелять, так стрелять, а любить, так любить,
Где умение выжить без средств и лекарств
Весит больше, чем просто умение жить.
Шар земной изуродован сетью границ,
На поверхностях суши их черт не стереть...
А ведь небо их трёт караванами птиц,
Тех, что сами решают, куда им лететь.

Что-то песен весёлых не хочется петь,
Может время врубило обратный отсчёт.
Мнится мне, будто ясное стало мутнеть,
А размытое, вроде как, наоборот...

2010

Дикая яблоня

В старом посёлке с названием «Новое»
Раннее утро, умытое росами,
Благоухают деревья садовые
Рядом с давно отбелевшими флоксами.
Ветра порыв в молодой угорелости
Выломав сучья, морозами битые,
Сочную зелень антоновской спелости
Бесцеремонно срывает в открытую.
Яблоки с яблони-ядрышко к ядрышку
Вязнут в корнях, а одно, своевольное,
Кожу сдирая об острые камушки,
К долу скатилось в уголья раздольные.
И на отшибе в кустах с голубикой,
Пренебрегая садовостью розовой,
Неприхотливая яблонька дикая
Ветви раскинула в пене берёзовой.
Как же ты, милая, выжила-сдюжила,
Кроной укрывшись от зноя палящего,
Чем одолела морозное кружево,
Не подломив своего настоящего?
Знала, поди, что мука перемелется,
Слабая в корне, размахом широкая,
Богом хранимое, тонкое деревце
Настежь открытое небу высокому.
Все непогоды свои перенесшая,
Каждому рада душа бескорыстная.
В диких плодах её горечь созревшая
Перебродила в оскомину кислую.

2010

Виктор Никифоров (Сиринкс) ***Цветные февральские сны***

Завируха

Пошла... Пошла Метелица!..
Соболя бровь вразлёт!..
По кругу красна-девица
лебёдушкой плывёт...

Лес замер... Богу молится...
А ну, соколик мой! —
Не выйдет, не обломится! —
Пойдёшь плясать со мной!..

Ударила гармоника,
а ельник — в березняк!..
Как школьник с подоконника
в берёзовый сквозняк!..

— Постой! — смеется — Суженый!
Хохочет — не могу!..
И снег звенит... завьюженный
от смеха на бегу.

Сон во сне

Снег идёт, снег идёт...

Б. Пастернак

Всё воротится, вернётся...

Перекрёсток, поворот...

Сон во сне. Как... сердце бьётся...

Может... Нет, не обернётся...

Сон во сне. В нём снег идёт...

Невесомость

Вы... помните? —
Ты помнишь первый снег? —
Наш... первый... снег?

Когда...
осенних луж, легчайшей,
льда-в-накидку паутинкой,
чуть-чуть приталенных,
вода
глядела изумлённо в небо
глазами карими – листвою,
на взмах ресниц, на взгляд
на твой...
на Эту Нашу... НЕВЕСОМОСТЬ...

Ты помнишь Этот... снег?
Наш Первый... снег? —

Вы... помните? —

Ты помнишь Эту повесть
о том, как мы с тобою, лица
запрокинув, молиться
перестав глазами друг на друга,
ловили снег...
роскошный снег губами...

и губы мы с тобою, как во сне...
друг друга губы, вдруг,
губами находили...

и... Вы... ещё тогда...
Вы никуда ещё не уходили...
Вы помните? —

Ты помнишь Этот снег —
Наш... Первый... снег?

Шёпот, принесенный весенним ветром

Остыну и нежная, гибкая станом,
снова стану стыдливой, счастливой и светлой.
В снежинках, в обнимку с ветром, слива цвет.

Мольба

Я ничего для Вас не значу.
Вы не в моём, Вы в чьём-то... сне.
Нет, я не плачу, я не плачу.
Приснитесь мне. Приснитесь... мне.

Всё то, что не сбылось, что мимо —
слеза моя. Моя... печаль.
Мой сон, в котором я с любимым
любимая... не мне. Как... жаль.

Как жаль...

Мне снятся Вашей скрипки звуки.
В ней столько нежности... ко мне.
Во сне заламываю руки...
Я Вас люблю. Приснитесь мне.

Этюд «До-диез минор»

Я перешёл запретную черту – я... шут...
Шопен... Дождя туманная полоска...
Я ждал и не дождался отголоска.
Тишайший капель морозящий стук...
Я перешёл запретную черту. Я шут, я вор...
Со мной смычок, один смычок без скрипки!..
и... до-диез минор Шопеновской улыбки –
грустнейший парафраз к раскрашенному рту...

Метелица метёт

Согрелась... уснула, баюкая дочь.
За окнами зимняя светится ночь.
За окнами белая веток кайма.
Какая холодная нынче зима...
Какие морозы... Какие снега...
Проснувшись, фонарь за окном замигал
и жаркие в сон просочились басы
мужского распева для девы-красы.
О том, что метелица стёжку метёт,
красавица следом за нею идёт...
Дозволь, тает сердце, тоскуя, любя, —
дозволь наглядеться, радость, на тебя...

День ангела

Под вздохи ветра снег всё забелил, смешал.
Белесый свет в окне в комочек снежный сжался.
Никто не зажигал огней и свет в окне дышал.
День, угасая, продолжался.

Из комнаты на снег смотрела Тишина
безмолвная на том и этом свете...
и ангелы сквозь пятнышко окна
входили в дом к в-обнимку-спящим детям.

Сонечко моё

Впасть в сон, стать безмятежным соней,
на сонечко из сна во сне смотреть...
Вдруг, в третью четверть улететь
ко всем своим чертям в четвёртом классе!..

Вновь стать чертёнком в кучерях черноволосым...
спать на уроках, всласть смотреть в окно
на воробьёв, на неучей пернатых
и ждать звонка с четвёртого урока,
чтоб, очертя головушку, вприпрыжку,
бежать за скачущим по улице ручьём,
поющим, пляшущим, грызущим вкусно льдышку...
И сердце ёкает, смеётся и поёт...

Вслед за корабликом бежит ручей-мальчишка,
бежит ко мне... сквозь сонечко моё.

Игра в пятнашки

Пятница. Игра в пятнашки.
Клавиш сложенный аккорд.
Пальцев лёгкая протяжка.
Звуков строящийся хор.

Звонкое многоголосье
птиц, трамваев и ручьёв.
Снег совсем обезголосел.
Славит племя галочье
скаты крыш – с них небо льётся...
Свист синиц на проводах...
Голубь... Солнце... Кот крадётся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.